

Толмачев Николай

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ПОРТУГАЛЬСКИХ ВЛАДЕНИЙ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

Тихоокеанский регион стал одним из первых объектов португальской колониальной экспансии. В самом начале XVI в. Альбукерки, обогнув Африку, в 1510 г. захватил Гоа, а на следующий год завладел Малаккой, положив начало португальскому присутствию на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Малакка стала форпостом для продвижения к островам пряностей и другим районам Тихоокеанского побережья. С 1515 г. начались регулярные экспедиции португальцев на Тимор и другие Малые Зондские острова, завершившиеся захватом некоторых из них. Впоследствии большинство португальских владений на архипелаге были отняты Голландией, а первые колонизаторы островов смогли удержать лишь восточную часть о. Тимор [Boxer 1960, 352].

Продолжалось и португальское продвижение на север. В середине XVI в. португальцам удалось наладить постоянные торговые контакты с Японией и единственным из европейцев получить право на плаванья в эту страну. Тогда же португальцы захватили и Аомынь (Макао), небольшую территорию на китайском побережье. Все три владения: Макао, Тимор и Гоа – поначалу были единой колонией, подчинявшейся вице-королю Гоа. Позднее Макао и Тимор стали отдельными административными образованиями.

К началу XIX в. Португалия обладала обширными колониальными владениями, над которыми, как и над Британской империей, “никогда не заходило солнце”, и даже после завоевания Бразилией независимости площадь колоний в 22 раза превышала площадь метрополии. Наибольшую часть доходов приносили Ангола и Мозамбик, а ряд колоний, таких как Восточный Тимор, были убыточными и удерживались лишь для того, чтобы не создавать прецедента территориальных потерь.

В то же время, если на португальские владения в Африке никто из европейских держав не выдвигал серьезных притязаний, то небольшие форпосты в Индийском и Тихом океанах нуждались в постоянной защите. Около трёх веков продолжалось португальско-голландское соперничество на Малайском архипелаге. Постоянно приходилось опасаться, что Англия захватит Гоа, Даман и Диу, а Китай или Япония завладеет Макао. После Второй мировой войны появились новые соперники: независимая Индонезия стала выдвигать претензии на Восточный Тимор, а Индия – на Гоа, Даман и Диу. Как ни странно, но после победы китайской революции и образования КНР опасения португальцев за судьбу Макао резко уменьшились. Несмотря на революционную и антиимпериалистическую фразеологию китайских коммунистов, они согласились терпеть колониальные анклавные территории, используя их в качестве каналов для поступления иностранной валюты.

1960-е годы стали началом краха колониальной системы. Первыми освободились британские и французские колонии, а их пример повлиял и на португальские владения, где началась национально-освободительная борьба. В 1961 г. Индия ввела свои войска в Гоа, Даман и Диу, и ослабевший режим Салазара не смог этому воспрепятствовать. В том же году вспыхнула война народа Анголы за независимость, в январе 1963 г. началась вооружённая борьба народа Португальской Гвинеи, в 1964 г. – Мозамбика. Колониальная война продолжалась более 10 лет и завершилась лишь после падения фашистского режима в метрополии [De Spinola 1974, 24].

Хотя Восточный Тимор и был наименее развитой колонией самой отсталой колониальной державы, он не оставался в стороне от процессов, идущих как в регионе, так и в других владениях Португалии. Отчасти, впрочем, эти процессы инспирировались извне. Примерами могут служить два восстания на этой территории в 1959 и 1961–1963 гг. Оба восстания принято называть “проиндонезийскими”, но первое из них таковым можно считать весьма условно. Дело в том, что оно возглавлялось группой бывших офицеров индонезийской армии, участвовавших в неудачном сепаратистском мятеже 1958 г. на Сулавеси. После поражения они получили политическое убежище на Восточном Тиморе и попытались создать на нём базу для дальнейшей вооружённой борьбы против правительства Индонезийской республики. Восстание не пользовалось поддержкой внутри страны, не получало помощи извне и было легко подавлено португальцами.

Через два года началось новое восстание. 9 апреля 1961 г. было объявлено о создании “Объединённой республики Тимора-Дили” с центром в г. Батугаде в трёх километрах от границы с индонезийской частью острова, а многие из членов “правительства республики”, по сообщениям печати, находились на индонезийской территории. Но по различным причинам как внутреннего, так и внешнего характера Индонезия тогда ограничилась лишь декларациями своей поддержки борьбы народа Восточного Тимора за свержение колониального ига, не предприняв ни дипломатических, ни, тем более, военных акций для оказания этой борьбе реальной помощи [Толмачев 1990, 26].

Главной причиной того, что Индонезия не последовала примеру Индии, изгнавшей португальцев с Индостана, были внешнеполитические соображения. В тот период Индонезия добивалась возвращения Западного Ириана, обосновывая свои претензии установившимся принципом создания новых независимых государств в границах прежних колониальных владений. Хотя с военной точки зрения захват Восточного Тимора не представлял бы проблем, это могло бы в тот период серьезно подорвать усилия Индонезии по возвращению Западного Ириана. Таким образом, два португальских владения в тихоокеанском регионе, Макао и Восточный Тимор, которые могли бы легко быть присоединены к соседним независимым государствам, оставались колониями, поскольку эти государства, преследуя различные цели, сами не желали возвращения этих территорий в лоно “матери-родины”.

Проблема Восточного Тимора впервые появилась на повестке дня ООН в 1975 г., когда Индонезия оккупировала эту территорию на Малых Зондских островах, и четверть века оставалась нерешённой, хотя и не привлекала особого внимания широкой мировой общественности. За весь период она лишь дважды появлялась на первых страницах газет: в 1975–1978 гг., когда в результате вторжения индонезийских войск, бомбёжек и голода погибли более 200 тыс. человек, то есть каждый третий тиморец, и в декабре 1995 г. в 20-ю годовщину оккупации, когда сторонники независимости Восточного Тимора в знак протеста против аннексии захватили в Джакарте здания посольств России и Нидерландов [Сашин 1996, 18]. Третьим напоминанием о проблеме стал референдум 31 августа 1999 г., в ходе которого большинство населения территории высказалось за её независимость, а власти Индонезии взяли обязательство уважать волеизъявление народа Восточного Тимора. Как и в 1970-е годы вопрос об определении судьбы бывшей португальской колонии вновь привел к кровопролитию, но в отличие от прежних лет, появился реальный шанс обеспечить мирное решение проблемы с помощью миротворцев ООН.

НАЧАЛО ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

После падения тоталитарного режима в Португалии были подписаны соглашения между новым руководством страны и лидерами национально-освободительного движения колоний о предоставлении независимости Гвинее-Бисау, Островам Зелёного Мыса, Сан-Томе и Принсипи, Мозамбику и Анголе. Начались консультации с КНР о судьбе Макао и переговоры о деколонизации Восточного Тимора с представителями недавно образованных политических движений этой территории.

Среди них были Демократический союз Тимора (УДТ), выступавший за сохранение Восточного Тимора в составе Португалии в качестве автономной провинции и Революционный фронт за независимый Восточный Тимор (ФРЕТИЛИН) – радикальная партия с цельной программой социально-экономических и политических преобразований, требовавшая немедленной независимости. Идеологические основы Фронта складывались под воздействием национально-освободительного движения Африки, а ряд его лидеров был близок левацким группировкам в Португалии. Революционная фразеология партии способствовала тому, что на неё навесили ярлык “коммунистической”. Третьей из ведущих политических организаций в колонии стала Народно-демократическая ассоциация Тимора (АПОДЕТИ), выступавшая за присоединение территории к Индонезии. Ещё три мелких формирования: ПТ, КОТА и АДITЛА – серьёзной роли не играли [Jolliffe 1978, 337].

В ноябре 1974 г. сменился губернатор провинции, а для разработки и обеспечения программы деколонизации португальские власти попытались создать Консультативный совет с участием представителей колониальной администрации, местных служащих и политических партий, но попытка не увенчалась успехом из-за обструкции АПОДЕТИ, требовавшей решить проблему деколонизации путём переговоров с Индонезией. Позднее в этом процессе отказался участвовать

и ФРЕТИЛИН, мотивируя своё решение тем, что ряд членов Совета был ранее тесно связан с прежним режимом.

Тем не менее работа по деколонизации продолжалась. В марте 1975 г. прошли выборы в местные органы власти и началась подготовка к намеченным на октябрь 1978 г. выборам в Конституционную ассамблею. Наибольшие шансы на победу были у ФРЕТИЛИН, поддерживаемого большинством политически активного населения. Поэтому Джакарта развернула энергичную деятельность по дискредитации Фронта, утверждая, что в случае его прихода к власти на архипелаге появится база для “коммунистической подрывной деятельности”, и угрожая вооруженным вмешательством в случае прихода к власти “коммунистов”.

В этих условиях УДТ, опираясь на подразделения колониальной полиции, 11 августа 1975 г. осуществил военный переворот, сопровождавшийся арестами и казнями активистов и руководителей ФРЕТИЛИН. Большинству лидеров Фронта всё же удалось уйти в горы и начать работу по подготовке контрпереворота. Они смогли привлечь на свою сторону подразделения португальской колониальной армии численностью до трёх тысяч человек, состоявшие в основном из тиморцев, и к концу сентября ФРЕТИЛИН установил полный контроль над колонией. Часть подразделений УДТ отступила на индонезийскую территорию. По сообщениям печати, около 40 тыс. мирных жителей бежали в западную часть острова, спасаясь от военных действий. В тот же период произошло первое открытое вмешательство индонезийских войск, высадивших в административном центре колонии Дили десант, для обеспечения эвакуации работников индонезийского консульства и их семей [Толмачев 1990. 50].

НОВАЯ ВЛАСТЬ

Установив контроль над колонией, ФРЕТИЛИН приступил к налаживанию условий нормальной жизни. Первоочередная задача состояла в снабжении населения продовольствием. Были приняты решительные меры, вплоть до экспроприации товаров у торговцев-китайцев, которые пытались укрывать продукты питания. Чтобы не допустить роста цен и спекуляции, а также из-за нехватки бумажных денег, образовавшейся в связи с закрытием банков, была введена карточная система. В короткий срок были ликвидированы следы боевых действий и разрушения в Дили, началась работа по восстановлению экономики и созданию эффективно действующей администрации.

Руководство ФРЕТИЛИН направило португальским властям, в период боёв эвакуировавшимся на близлежащий островок Атауру (Камбинг), приглашение вернуться в столицу, но губернатор М. Пиреш под различными предлогами не спешил вновь приступать к выполнению обязанностей. Главной причиной было нежелание колониальных властей де-факто признать установление реального контроля ФРЕТИЛИН на Восточном Тиморе, практически ставшего временным правительством.

Стабилизации обстановки на всей территории страны препятствовали пограничные инциденты, переросшие в вооруженный конфликт. 8 октября 1975 г. индонезийские войска численностью до батальона при поддержке ВВС и ВМФ после мощного артобстрела захватили город Батугаде на северном побережье острова в трёх километрах от границы, а затем продолжили наступление, в ходе которого заняли район общей площадью около 200 км². В этих боях принимали участие и вооружённые отряды АПОДЕТИ, сформированные на индонезийской части острова. Захват приграничной территории был нужен Джакарте, чтобы её пропагандистские службы могли утверждать, что проиндонезийские партии в ходе продолжающейся гражданской войны контролируют часть Восточного Тимора.

С началом боевых действий на территории и с уменьшением шансов на политическое решение проблемы процесс радикализации Фронта приобрёл необратимый характер. Поскольку шансов на достижение соглашения с прежними властями оставалось мало, активизировалось левое крыло ФРЕТИЛИН, которое стало проводить демонстрации и митинги с требованием немедленного провозглашения независимости. Первая такая демонстрация состоялась 11 ноября 1975 г. (в день провозглашения независимости Анголы - последней из африканских колоний Португалии), за ней последовали и другие, проходившие под антиколониальными и антипортугальскими лозунгами.

В результате усиливающегося давления со стороны левых радикалов 28 ноября 1975 г. в одностороннем порядке была провозглашена Демократическая Республика Восточный Тимор (ДРВТ).

Около 25 стран заявили о своей готовности признать новое государство, но в их число не входили ни его ближайшие соседи – Индонезия и Австралия, ни бывшая метрополия [Толмачев 1990, 56].

ВТОРЖЕНИЕ

Через день после провозглашения ДРВТ руководители АПОДЕТИ, УДТ, ПТ и КОТА выпустили в городе Балибо на оккупированной индонезийцами территории совместную декларацию о присоединении Восточного Тимора к Индонезии. Вслед за этим португальское правительство выступило с заявлением о непризнании как независимости Восточного Тимора, так и декларации четырёх партий, говорилось также, что Португалия считает себя управляющей властью в Восточном Тиморе и предостерегает другие страны от совершения военной интервенции.

Индонезийское правительство в заявлении от 4 декабря 1975 г. подтвердило своё уважение прав и обязанностей Португалии как единственной законной власти на этой территории, но выразило также “полное понимание” декларации четырёх партий. В документе говорилось и о моральном долге Индонезии защитить народ Восточного Тимора, чтобы процесс деколонизации был осуществлён в соответствии с его чаяниями.

Телеграфное агентство “Антара” стало распространять ложные сведения о массированном вторжении индонезийских войск на Восточный Тимор. Этим Джакарта хотела выяснить реакцию других стран и проверить их готовность пойти на конфликт с Индонезией в случае аннексии территории. Реакция, как и ожидалось, была благоприятной для Джакарты. Например, бывший премьер-министр Австралии Э. Г. Уитлем заявил, что никто не начнёт из-за Восточного Тимора войну. Советский посол в Индонезии в ответ на вопрос о возможных действиях СССР в случае захвата бывшей колонии повернулся к карте и спросил: “Восточный Тимор? А это где?”. Но главным было то, что Сухарто, спекулируя на “коммунистической угрозе”, заручился согласием США на свою акцию. Во время визита в Джакарту 6 декабря 1975 г. президент Дж. Форд подтвердил решение США увеличить поставки вооружений в Индонезию на 45%, а госсекретарь Г. Киссинджер заявил, что “США с пониманием относятся к позиции Индонезии по вопросу о Восточном Тиморе”.

Получив “зелёный свет”, уже через пять часов после отбытия Форда и Киссинджера из Джакарты 7 декабря 1975 г. в два часа ночи индонезийцы начали вторжение на Восточный Тимор. После артобстрела и бомбардировок Дили, продолжавшихся несколько часов, на рассвете была произведена высадка морского и воздушного десантов. При этом произошёл инцидент, свидетельствующий о недостаточной координации действий войск. Парашютисты 18-й бригады КОС-ТРАД (Стратегического резерва), которых планировалось десантировать таким образом, чтобы отрезать путь в горы отходящим из города отрядам армии ДРВТ (ФАЛИНТИЛ), были сброшены прямо на головы отступающих и понесли большие потери в воздухе и при приземлении, а после этого попали под огонь наступающих своих же морских пехотинцев. Затем озверевшие десантники ринулись в город, где стали громить всё подряд. В те же часы велось и крупное наступление из захваченных Индонезией приграничных районов. Всего во вторжении участвовали почти 6 тыс. солдат, 15 самолётов и 20 кораблей, и оно стало самой крупной из военных операций, когда-либо осуществлявшихся индонезийскими вооружёнными силами [Budiardjo 1984, 15].

Власти Джакарты опровергали сообщения об участии регулярных войск в захвате Восточного Тимора и утверждали, что бои ведут формирования четырёх партий бывшей колонии при поддержке 1500 “добровольцев”. На самом деле численность задействованных в операции регулярных войск превысила к марту 1976 г. 30 тыс., но, несмотря на значительный перевес в силах и средствах, они в тот период овладели лишь рядом городов бывшей колонии с общим числом жителей до 150 тыс. человек. Почти полмиллиона тиморцев тогда жили в сельских районах, контролируемых ФАЛИНТИЛ.

“ИНДОНЕЗИАНИЗАЦИЯ”

В этих условиях президент Сухарто 17 июля 1976 г. подписал указ о включении Восточного Тимора в состав Индонезии в качестве её 27-й провинции, а в 1978 г. соответствующий закон был принят индонезийским парламентом – Народным консультативным конгрессом (НКК). Эта акция не была признана ООН, которая в резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности не раз призывала Индонезию вывести свои войска и дать возможность народу Восточного Тимора определить свою судьбу.

После официального включения Восточного Тимора в состав Индонезии обстановка в этом районе вновь обострилась. Период с 1977 по 1979 гг. стал самым кровопролитным и принёс наибольшие жертвы и бедствия населению. В результате постоянных и длительных бомбёжек территорий, находившихся под контролем ФРЕТИЛИН, использования химического оружия, уничтожения посевов и запасов продовольствия на Восточном Тиморе погибло около 200 тыс. человек, то есть почти треть его населения. Примерно столько же покинули горные районы и спустились в области, находившиеся под властью Индонезии, где их расселили в так называемых “стратегических деревнях”, обнесённых колючей проволокой. База Фронта была в значительной мере подорвана, и это привело к спаду организованного сопротивления. Крупные подразделения ФАЛИНТИЛ стали распадаться на мелкие партизанские отряды, во много раз уменьшилась контролируемая ими территория, погибли или попали в плен большинство из его руководителей. Тем не менее борьба за независимость продолжалась, сохранились как очаги вооружённого сопротивления в лесных и горных районах, так и ячейки ФРЕТИЛИН в городах и сёлах, включая даже “стратегические деревни” [FRETILIN 1983, 7].

После разгрома основных сил ФРЕТИЛИН главным направлением деятельности Джакарты стало осуществление так называемой программы “индонезианизации” Восточного Тимора. Она представляла собой комплекс политических, социальных, юридических, идеологических и культурных мероприятий, направленных на постепенную интеграцию территории в состав Индонезии и адаптацию её населения к новым условиям, а также ломку старых колониальных структур и создание новых, соответствующих индонезийским нормам.

К политическим мерам относилось и создание опоры из представителей местной элиты, готовых пойти на сотрудничество с новой властью. Интересно, что если сразу после присоединения территории на пост губернатора провинции был назначен лидер АПОДЕТИ, организации с самого начала активно сотрудничавшей с индонезийскими властями, то впоследствии на этот пост стали назначаться лидеры УДТ, ранее тесно связанные с колониальным режимом, и лишь после прихода к власти ФРЕТИЛИН перешедшие на сторону Индонезии. Новая кадровая политика была вызвана необходимостью расширить социальную базу нового режима за счёт привлечения в неё наиболее важных представителей местной верхушки. В то же время некоторые из активных прежних сторонников присоединения к Индонезии, считая себя обделёнными, перешли в оппозицию режиму и, покинув страну, стали осуждать аннексию.

Одним из главных направлений программы было распространение на этой территории индонезийского языка, который ещё в колониальные времена служил *lingua franca* на Малайском архипелаге, но был практически не известен на Восточном Тиморе. Стала внедряться индонезийская унифицированная система образования, а вместе с ней идеологическая и пропагандистская система обработки населения. Тимор был включён также и в программу трансмиграции, то есть организованного переселения крестьян с островов Явы и Бали, имеющих чрезвычайно высокую плотность населения, на другие острова. Предполагалось, что помимо содействия решению демографических и аграрных проблем страны эта мера сможет способствовать укреплению социальной базы новых властей, благодаря созданию прослойки лояльного режима населения. Однако наличие этнических чужаков, поселяющихся к тому же, как правило, на лучших землях, стало провоцировать усиление националистических настроений у тиморцев и способствовать росту числа противников новой власти [Economic 1986, 9].

К экономическим мерам относились, в первую очередь, дорожное строительство (имевшее помимо экономического ещё и первостепенное военно-стратегическое значение) и восстановление плантационного хозяйства, служившего важным источником поступления иностранной валюты.

Хотя эти меры и содействовали некоторому социально-экономическому росту, Восточный Тимор по-прежнему остаётся наименее развитой территорией даже в сравнении с другими Малайскими Зондскими островами.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

В декабре 1995 г., в 20-ю годовщину аннексии бывшей колонии внимание мировой общественности было вновь привлечено к этой проблеме после захвата тиморцами посольств России и Нидерландов в Джакарте. Тогда же в столице Индонезии и на Восточном Тиморе стали проходить демонстрации в поддержку независимости. Подобные демонстрации тиморцы-эмигранты проводили также в Португалии, Голландии и Австралии в течение всего периода оккупации их страны. Новое прави-

тельство Индонезии, пришедшее к власти в результате студенческих волнений, не придерживалось жёсткой линии в отношении Восточного Тимора и в этом вопросе уступило мировому общественному мнению. Главное значение имело, конечно, изменение позиции США по этой проблеме, и их отказ в поддержке оккупации территории, поскольку в политике Вашингтона “коммунистическая угроза” исчезла из числа приоритетных, а на первый план вышла “защита прав человека” [Толмачев 1999, 29].

Индонезийские власти были вынуждены пойти на проведение 30 августа 1999 г. референдума о самоопределении территории, и сторонники независимости победили с огромным перевесом. За независимость высказались 344580 человек, то есть 78,5% имеющих право голоса, а за расширенную автономию в рамках Индонезии проголосовали 94388 человек, или 21,5%. При этом в референдуме участвовали 98,6% тиморцев, имеющих право голоса. Президент Хабиби заявил о согласии признать волеизъявление народа. 20 октября 1999 г. НКК ратифицировал результаты референдума и аннулировал закон 1978 г. о включении Восточного Тимора в состав Индонезии в качестве 27-й провинции [Урляпов 2001, 7]. Шанана Гужмау был освобождён из заключения и возглавил временную администрацию территории Национальный совет тиморского сопротивления (НСТС). Но, как и в 1970-е годы, на Восточном Тиморе вновь произошла вспышка насилия. Проиндонезийские формирования (так называемая милиция Аитарак) на следующий же день после референдума развязали террор против сторонников независимости, около 30 тыс. человек были вынуждены бежать на Западный Тимор. 15 сентября 1999 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о вводе в бывшую провинцию миротворческих сил, которые фактически были введены ещё 12 сентября. Под защитой миротворцев начался длительный и трудный процесс перехода к независимости Тимора Лоросае (на языке тетум – “Тимор – земля восходящего солнца” или Восточный Тимор), провозглашение которой намечено на 28 ноября 2001 г., т.е. на 26-ю годовщину одностороннего провозглашения ДРВТ, либо на конец 2002 г. [Сапоженков 2001, 9].

В отличие от Индонезии, КНР не стала производить поспешных акций в отношении португальского колониального анклава на своей территории. Напротив, в ходе переговоров и консультаций с управляющей державой Пекин дал понять, что готов согласиться на очень длительный переходный период. В конечном итоге было достигнуто соглашение о переходе Аомыня под суверенитет КНР в 0 часов 20 декабря 1999 г. при условии сохранения капиталистического строя на этой территории сроком на 50 лет в рамках доктрины “одно государство – две системы”. Церемония поднятия флага КНР состоялась в 12 часов 20 декабря 1999 г. в присутствии руководителей двух стран Цзян Цземиня и Жоржи Сампайю. В этот час завершилась история португальского колониализма, длившаяся с момента захвата Гоа 489 лет.

ЛИТЕРАТУРА

Сапоженков А. А. Восточный Тимор: Проблема урегулирования// **Малайский мир вчера, сегодня, завтра: (История, филология, культура). Тезисы докладов участников междисциплинарной конференции молодых специалистов Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 28 июня 2001 г. Москва, 2001.**

Сашии Н. Восточный Тимор вчера и сегодня// **Азия и Африка сегодня. Москва, 1996, № 6.**

Толмачев Н. А. **Проблема Восточного Тимора в международных и региональных отношениях Юго-Восточной Азии. Москва, 1990.**

Толмачев Н. Ускользающая свобода: Восточный Тимор// **Новое время. Москва, 1999. № 39.**

Урляпов И. В. Некоторые прогнозы на будущее Тимора Лоро Саэ// **Малайский мир вчера, сегодня, завтра: (История, филология, культура). Тезисы докладов участников междисциплинарной конференции молодых специалистов Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 28 июня 2001 г. Москва, 2001.**

Boxer C.R. Portuguese Timor: The rough Island Story, 1515–1960// **History Today. London, 1960. Vol. 10. N5.**

Budiardjo C., Lim Soei Liong. **The War against East Timor. London, 1984.**

De Spinola A. **Portugal e o Futuro. Lisboa, 1974.**

Economic and Social Development in East Timor Province. Jakarta, 1986.

FRETILIN Conquers the Right to Dialogue. Lisbon, 1983.

Jolliffe J. **East Timor: Nationalism and Colonialism. St. Lucia, 1978.**